

УДК 340.126

М.С. Колесов, д-р филос. наук, профессор

Севастопольский национальный технический университет

ул. Университетская, 33. г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopl.ua

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ. РЕВОЛЮЦИЯ И ДИКТАТУРА (К 225-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

На примере Великой Французской революции рассматриваются предопределяющие факторы и характер перехода революции к диктатуре.

Ключевые слова: *государство, революция, диктатура.*

«Мировая история никогда не бывает тем, чем на основании каких-либо возможностей она хотела бы, могла или должна была бы быть, но всегда и единственно бывает тем, что она есть».

Томас Карлейль

Сегодня термин «революция» в политической публицистике приобрел явно выраженный негативный характер, что вполне объяснимо в виду тех радикальных процессов, которые происходят в современном мире. Напротив, термин «диктатура» все чаще применяется в позитивном смысле. Этот парадокс не случаен, так как он отражает действительное противоречие, заложенное в этих понятиях. Для современников всякая революция – это, прежде всего, трагедия и хаос, а диктатура – это порядок и закон. Но с исторической точки зрения они оцениваются с «точностью наоборот». Революции, в конечном счете, становятся «локомотивами истории», без которых понятие прогресса теряет какой-либо конкретный смысл. А диктатуры оказываются «тормозами» этого прогресса, потому что доводят революцию до трагического абсурда. И между тем ни одна революция не миновала своей диктаторской стадии. В этом – диалектика истории.

Великая французская революция конца XVIII в. всегда рассматривалась как классическая модель революции. В то же время в огромной библиографии Наполеон Бонапарт, безапелляционно, утвердился как синоним диктатуры («бонапартизм»), более того – как «могилищик французской революции». Благодаря этому, последующие историки и современные политологи, осознанно или «бессознательно» (по Фрейдю), на протяжении уже более двухсот лет пытаются «подогнать» любую революцию под эталон Великой французской революции, а в любом диктаторе увидеть «тень Наполеона». Однако, как не странно, история не повторяется, и все попытки уложить ее в «прокрустово ложе» теории, заканчивались до сих пор научной импотенцией или человеческими трагедиями. Наиболее доказательный пример этого в XX веке дал марксизм.

А до него была знаменитая «эпоха Просвещения», утопические идеи которой, как считается, «спровоцировали» французскую революцию XVIII в.

Каждая революция имеет свой «эпилог» – определенную совокупность процессов, непосредственно не связанных с последующими революционными событиями, но ретроспективно «объясняющих» их «внезапное» возникновение.

Таким «эпилогом» французской революции XVIII века явилось время правления «короля Солнца» Людовика XV (1710-1774). За этот период, который начинается с 1715 года, Франция пережила две войны: «за австрийское наследство» (1741-1748) и «Семилетнюю войну» (1751-1757 гг.) – которые она сокрушительно проиграла. К тому же в 1763 г. Франция вынуждена была уступить Англии Канаду. Так что Людовик XV оставил своему внуку Людовику XVI в наследство весьма «напряженные» отношения с Англией, Австрией и германскими государствами. Поэтому понятно, что, когда в Северной Америке началась освободительная война английских колоний (1775-1783 гг.), Франция ее поддержала и в 1778 г. признала независимость США. Тогда в Америку был направлен французский экспедиционный корпус (отряд французских волонтеров отправился в Америку еще в 1777 г.), а во Францию прибыл Бенджамин Франклин в качестве американского официального представителя.

Людовик XVI унаследовал страну, в которой, по выражению английского историка Томаса Карлейля (1795-1881), «многое поизорвалось и поизносилось», и она оказалась в состоянии глубокого кризиса [1]. Во Франции активизировалась «Фронда» (зародившаяся еще в середине XVII в.) – движение «нового» дворянства против королевского абсолютизма, которое было заинтересованно в установлении законодательного порядка. Эти идеи поддерживались провинциальной буржуазией и крестьянством. В это время заявило о себе и движение «санкюлотов» (букв. – «носящие длинные штаны», в отличие от

коротких штанов аристократии) – городского ремесленного и торгового «пролетариата», которого бесконечные налоговые поборы довели уже до нищеты и голода.

Последующие пятнадцать лет правления Людовика XVI Карлейль называл «бумажным веком», имея в виду, что в это время появились не только «печатные деньги» (из-за отсутствия золота), но и многочисленные книги и «памфлеты» («прекрасный способ не только выражать мысли, но и приучить нас обходиться вообще без каких-либо мыслей»). Он свидетельствовал, что «поборников» философии Просвещения (Анн Робер Тюрго, Дени Дидро, Жак Лерон Д'Аламбер, Поль Анри Гольбах и другие), которые провозглашали приход «новой эры» (Жан-Жак Руссо: "Близится век революций!"), с радостью принимали в аристократических «салонах» и домах «богачей». Из швейцарской деревушки Ферней Вольтер поддерживал своих единомышленников в Париже, который он триумфально посетил в феврале 1778 г. Кумиром «фрондирующих» парижан стал Пьер Огюстен Карон Бомарше (автор «Севильского цирюльника»). Во главе новой «Фронды» оказался маркиз-философ Виктор де Мирабо, получивший имя «Друга Людей» (по названию его книги).

Молодой король Людовик XVI, полный благих намерений. Созванное 22 февраля 1782 г. королем для обсуждения огромного дефицита казны собрание «нотаблей», (существовавшее с XIV в.), - собрание представителей высшего духовенства, придворного дворянства и мэров городов, с участием «принцев крови», – не смогло найти приемлемого решения. На последнем заседании Лафайет («Сципион-американец» – герой освободительной войны в Северной Америке) потребовал созыва «Генеральных штатов» – высший орган представительства (включая «третье сословие»), существовавший с 1302 г., но не собиравшийся с 1614 г. Это требование поддержали двенадцать провинциальных «парламентов». Весной 1788 года правительство уже не контролировало ситуацию в стране. Летом засуха и неожиданный жестокий град уничтожили урожай, обрекая народ на голод. Наконец, 24 января 1789 года Людовик XVI вынужден был объявить о выборах в «Генеральные штаты». Каждое из трех сословий должно было выбрать своих депутатов.

Накануне открытия заседаний «Генеральных штатов» в Сент-Антуанском предместье Парижа начались народные волнения под лозунгами «Долой аристократов!».

17 июня 1789 г. «Генеральные штаты» провозгласили себя «Национальным собранием», то есть не сословным, а общенациональным институтом. В знак протеста большинство депутатов-священников и дворян покинули собрание. С 9 июля 1789 г. Национальное собрание стало именоваться «Национальным Учредительным собранием», задачей которого было создание Конституции.

Между тем страну охватили крестьянские волнения, и шумно заявило о себе «четвертое сословие» («памфлетисты»). В Париже приобрели огромную популярность газета Марата «Друг народа» и еженедельник «Революции Парижа и Брабанта» Камиля Демулена, провозгласившего себя «Генеральным прокурором Фонаря», гремел голос Дантона – председателя «округа кордельеров».

Утром 13 июля как описывал Карлейль, «Париж на улицах, он кипит и пенится, как вино в венецианских бокалах, в которое подсыпали яд». Повсюду раздавались крики: "К Бастилии!"

Бастилия – крепость и государственная тюрьма в Париже, ставшая символом французского абсолютизма. 14 июля, день ее штурма, в ней находились семеро заключенных. При штурме погибло 82 человека. После сдачи тюрьмы восставшие парижане приветствовали короля (вышедшего на балкон парижского дворца): "Vive le Roi!" (Да здравствует король!) и "Vive la Nation!" (Да здравствует нация!). Командующий созданной Национальной гвардии генерал Лафайет отправил ключ от Бастилии первому президенту США генералу Джорджу Вашингтону.

По словам Карлейля, «падение Бастилии... потрясло всю Францию до самых глубин ее существования».

Так закончился «эпилог» и дата «падения Бастилии» с тех пор отмечается как начало Великой французской революции.

Между тем Карлейль заметил, что слово "Французская революция" многозначно и смысл его зависит от того, кто его произносит. Так, для него самого Французская революция – это «открытое восстание и насильственная победа вырвавшейся на свободу анархии против разложившейся, исчерпавшей себя власти».

Первый акт Великой Трагедии, под названием «Французская революция» можно назвать «Конституционно-монархическим». Он начинался с тех октябрьских дней, когда парижские женщины предприняли поход на Версаль с требованием «Хлеба и разговора с королем!» и добились своего. Король и его двор вынуждены были вернуться в Париж.

Однако к декабрю 1789 года обнаружился большой дефицит бюджета и глубокое «расхождение» между Национальным собранием и королевским правительством. Для покрытия дефицита бюджета Национальное собрание выпустило бумажные деньги под залог продажи земель духовенства, объявив церковников «наемными слугами государства», что, естественно, вызвало его негодование. Национальное собрание установило также новое административное устройство страны, объявив его «наемными слугами государства». Собрание установило также новое административное устройство

страны, окончательно уничтожив ее феодальную раздробленность. В это время из южных городов на Париж надвигался голод, который вызывал среди народа ожесточение.

Росло движение «санкюлотизма». Множились «Общественные собрания», укреплялись старые и возникали новые «клубы». Громко заявил о себе «клуб якобинцев» (по имени церкви Св. Якоба, где он обосновался), первоначально ставивший себе цели «просвещения народа». «Клуб кордельеров» Дантона и Демулена считал «якобинцев» слишком умеренными. Напротив, «Клуб 1789 года» («фейяны»), объединявший сторонников «конституционной монархии», считал их слишком радикальными. И хотя существовали и другие клубы, эти три, наиболее популярные, определяли три основные тенденции развития французской революции, которая пока не выходила дальше требования «Конституции».

Между тем в Коблинце (Германия) формировался центр контрреволюционной эмиграции во главе с графом д'Артуа, братом Людовика XVI. На северо-восточной границе (г. Мец) стояла французская армия под командованием генерала-монархиста Буйе (двоюродный брат Лафайета, тоже участник войны за независимость североамериканских штатов). После «падения Бастилии» положение в королевской армии катастрофически ухудшалось, дисциплина падала. Среди офицеров разразилась эпидемия дуэлей по любому поводу, многие эмигрировали. Мирабо предлагал распустить двухсот восьмидесятитысячную армию.

2 апреля 1791 г. умер Мирабо. Как записал Карлейль, «весь народ оплакивает его». Его гроб поместили в парижской церкви Св. Женевьевы, которая с тех пор стала «Отечественным Пантеоном Великих людей» (сюда впоследствии перенесли останки Вольтера, Жан-Жака Руссо, Марата).

Смерть Мирабо означала окончание акта «французской конституционной монархии».

Когда 18 апреля парижане не позволили Людовику с семьей выехать из Парижа «на Пасху» в пригородную резиденцию Сен-Клу, стало ясно, что король стал заложником революции. Не удалась и попытка тайного побега королевской семьи из Парижа, и его бегство было расценено депутатами Национального собрания как предательство. Максимилиан Робеспьер потребовал его низложения. Однако и на этот раз трон удалось сохранить ценой расстрела Национальной гвардией на Марсовом поле 17 июля вооруженного народа («третьего сословия»). В последние дни сентября Париж торжественно и весело отпраздновал принятие долгожданной Конституции под крики «Vive le Roi!».

После выборов в Законодательное собрание 1 октября 1791 года, по принятой Конституции, революция вступила в законодательную стадию. На этом она могла бы и закончиться, если не три, по выражению Карлейля, «скверные» условия: французский народ, французский король, французское дворянство и «объединенная Европа».

Глава английского правительства Уильям Питт, русская императрица Екатерина II, вместе с австрийскими, прусскими и шведскими монархами сколачивали антифранцузскую коалицию. Подписанная в феврале 1792 г. Леопольдом II и Фридрихом Вильгельмом II «Пильницкая декларация» о совместных действиях «в помощь французскому королю» была горячо поддержана французской аристократической эмиграцией. Главногокомандующим объединенными армиями Австрии и Пруссии был назначен герцог Брауншвейгский (Карл Вильгельм Фердинанд). Между тем ежедневно целые роты и полки французской армии переходили на сторону противника с криками «Vive le Roi!».

К марту Францию охватила паника перед угрозой войны и разбойничьими грабежами. Голод и страх усиливали рост «санкюлотизма» и влияние «якобинцев» в Законодательном собрании, которое 20 марта 1792 года «декретировало» войну с объединенной Европой, которой суждено было продлиться, с короткими перерывами, двадцать четыре года.

Лафайет, как командующий одной из французских армий, направил письмо в Законодательное собрание, в котором потребовал укротить якобинцев: *"Эта секта образует отдельную корпорацию в лоне французского народа, чьи права она узурпирует..."* Но депутаты его не поддержали. Между тем тысячи «добровольцев» из провинций направлялись в Париж, готовые защищать революцию. Среди этих прибывших колонн особенно были активны «шестьсот умеющих умирать марсельцев», которые вошли в столицу под звуки марша «Марсельеза» (бывшая «Боевая песня Рейнской армии») с целью «свергнуть тирана».

На рассвете 10 августа 1792 года выступлением марсельцев начался мятеж в Париже, который «превратился в ад»: «Вперед, патриоты! Мшение! Победа или смерть!» Для руководства народным восстанием была образована «Повстанческая коммуна», («Парижская Коммуна»), в которой главную роль играли «якобинцы» во главе с Максимилианом Робеспьером. В столкновении с Национальной гвардией и швейцарцами, защищавшими королевский дворец, за несколько часов погибло около 1200 человек.

Но восстание победило! В результате его была свергнута монархия. 13 августа королевская семья оказалась в тюрьме Тамплль. Все иностранные послы во главе с английским срочно покинули Париж. «Королевская» Конституция 1791 года была отменена. Лафайет покинул Францию.

Так начался второй акт революционной трагедии – террористический («якобинский»).

Был избран новый орган исполнительной власти - «Национальный конвент», который 21 сентября принял декрет об уничтожении королевской власти, и на следующий день провозгласил Францию республикой.

Тем временем в Вандее, подстрекаемые священниками крестьяне подняли восстание, к которому присоединились роялисты и шуанские контрабандисты. 2 сентября австро-пруссские войска под командованием Брауншвейга захватили приграничный Верден, и дорога на Париж была для них открыта. С юга угрожали вторгшиеся испанские войска.

Тогда Париж, как писал Карлейль, на 100 часов погрузился в «Варфоломеевскую бойню»: стихийное массовое убийство аристократов и священников. Улицы города были залиты кровью и завалены трупами. Национальная гвардия оказалась парализована. 3 сентября срочно созданный «Комитет общественного спасения» издал «циркуляр», которым фактически оправдывал «устрашение террором». Ставший министром юстиции Дантон тогда сказал: *"Мы должны устрашить наших врагов!"*

В то же время в городе были наполнены публичной все двадцать три парижских театра.

Между тем генерал Дюмурье, командующим французской армией, перехитрил Брауншвейга, отрезал ему дорогу на Париж, и 20 сентября, в конце концов, вынудил австро-пруссские войска покинуть территорию Франции. Другие революционные генералы разгромили вторгшиеся войска на юге и на севере страны. Таким образом, военная угроза была ликвидирована.

20 ноября в Конвенте был зачитан Людовику XVI обвинительный акт, изобличавший его в «измене». Французский народ кричал на улицах: «Кара изменнику, чтобы мы имели хлеб!». 15 января 1793 года Конвент незначительным большинством вынес смертный приговор бывшему королю и 21 января на площади Революции, (ныне площадь Согласия), он был казнен.

Казнь французского короля объединила всех монархов Европы. Дантон тогда заявил: *"Нам угрожает коалиция монархов, а мы бросаем к их ногам в качестве перчатки голову монарха"*.

8 марта Париж узнал о новом вступлении войск коалиции на территорию Франции. По стране отправились «комиссары» Конвента с призывом к народу о помощи. В это время ожесточилась борьба с «изменниками» («жирондистами») внутри Конвента и за его пределами. «Якобинцами» были созданы «Комитеты революции», которые производили обыски по домам в поиске оружия и аресты «подозрительных», а также «Революционный трибунал», решения которого были беспелециозны. «Комитет общественного спасения» во главе с Дантоном наделялся Конвентом неограниченной исполнительной властью. Конвент принял «закон о максимуме», по которому устанавливались предельные цены на хлеб и продовольствие.

Как заметил Карлейль, «беспримерное явление: Франция дошла до того, что стала страной не для богачей, а для бедняков!»

2 июня под крики окружившей дворец вооруженной стотысячной толпы: «Да здравствует Республика!», «Смерть Жиронде!» – Конвент фактически лишил «жирондистов» их депутатского «иммунитета». Так в стране была установлена якобинская диктатура, диктатура террора.

4-5 сентября 1793 г. «санкюлоты» с оружием в руках вышли на улицы Парижа, требуя от Конвента "поставить террор в порядок дня". В ответ на это Конвент упростил судопроизводство и принял декрет об аресте "подозрительных". Многочисленные аресты завершались, как правило, казнями. 12 парижских тюрем были переполнены, по всей стране их было около 44 тысяч.

Из Парижа под командованием драматурга Шарля Филиппа Ронсена выступила «Революционная армия» в 6 тысяч человек в красных колпаках, трехцветных жилетах и черных брюках, имея в обозе гильотины, которые находились в распоряжении «роты Марата». Главная задача этой армии – выявление и уничтожение «роялистов» и «жирондистов». Гильотины не справлялись с количеством казней, поэтому приходилось прибегать к массовым расстрелам. Были взяты мятежные Марсель, Лион, Нант и другие города. 19 декабря 1793 года при взятии «роялистского» Тулона отличился (в присутствии Огюстена Робеспьера) молодой артиллерийский лейтенант Наполеон Бонапарт.

Одновременно по всей стране проходила конфискация колоколов и другого церковного имущества для нужд парижского Монетного двора и оружейных кузнец. Франция сама должна была обеспечить себя оружием. «Комиссары» Конвента, направленные во все округа, были уполномочены властью над жизнью и смертью французов. При каждом командующем армией три «комиссара» следили за исполнением им своего «долга».

Между тем две французские армии изгнали испанские войска за Пиренеи и вступили в Испанию, которая вынуждена была заключить мир с Францией. Бывший сержант Журден, возглавивший северную армию, заставил австрийские войска покинуть французскую территорию. В генералы были произведены сержанты Пишегрю и Гош, которые с успехом громили войска европейских монархов.

При этих обстоятельствах столкновение между Дантоном и Робеспьером было неизбежно, так как «двух таких главных продуктов было слишком много для одной революции» (Карлейль). 2 апреля 1794 года Дантон вместе с Камилем Демуленом были арестованы и впоследствии казнены вместе со

своими единомышленниками. А 24 июля 1794 года Робеспьер выступил с угрозой «чистки» в самом Конвенте. И Конвент восстал!

27 июля на утреннем заседании члены Конвента декретировали «обвинение» Робеспьеру и он со своими сторонниками был отправлен в тюрьму. На следующий день братьев Робеспьеров казнили при многотысячной толпе. Но агония «санкюлотизма» длилась еще пятнадцать месяцев. Конвент обновил комитеты «общественного спасения» и «общественной безопасности». «Революционные комитеты» вскоре исчезли. «Парижская коммуна» была ликвидирована. Стали освобождаться тюрьмы, куда отправлялись «якобинцы».

1 апреля 1795 г. женщины вышли на улицы с требованием: "Хлеба, хлеба и Конституции девяносто третьего года!", и были разогнаны столичными войсками. Но 20 мая голодные парижане вновь вышли на улицы.

Между тем вновь была подготовлена новая Конституция, по которой были избраны две палаты Национального собрания – Совет старейшин и Совет пятисот, – и назначалась Директория из пяти человек.

Так закончился второй акт французской революции, которая вновь вернулась в законодательное русло.

5 октября в Париже, по приказу члена Директории Баррас, капитан (в отставке) Наполеон Бонапарт расстрелял из пушек вооруженный мятеж «роялистов» и после этого был назначен военным помощником Барраса. 22 марта 1796 г. генерал Наполеон Бонапарт отправился в «Итальянскую армию» в качестве командующего. Благодаря успешно проведенной им военной кампании была «освобождена» от австрийских войск территория Северной Италии (такой страны еще не было) и 17 октября 1797 года был заключен в Кампо-Формио мир с Австрией.

После триумфального возвращения в Париж и отказавшись возглавить карательную армию, направляемую в мятежную Вандею, Наполеон в 1798 г. возглавил военную экспедицию в Египет (с целью подорвать позиции Англии на Ближнем Востоке), которую он успешно осуществил. Случайно узнав о поражении французских войск в Италии от русской армии Суворова, он тайно вернулся во Францию в сопровождении своих генералов и 16 октября 1799 г. прибыл в Париж. При поддержке генералов и своего брата Люсьена, председателя Совета старейшин, Восемнадцатого брюмера (9 ноября), тридцатилетний Наполеон Бонапарт был назначен одним из трех «консулов», сменивших Директорию, фактически сосредоточив в своих руках всю исполнительную власть. 25 декабря плебисцит утвердил новую Конституцию.

По этому поводу французский историк Горацій Вернье писал, что «революция повергла Францию в бездну зол, и концентрация власти в одних руках осталась единственной надеждой спасения государства».

Начался третий акт французской революции – «наполеоновский», хотя советские историки считали, что Наполеон, осуществив государственный переворот «Восемнадцатого брюмера», «покончил» с революцией. В связи с этим следует заметить, что эти историки вели отсчет «Французской буржуазной революции» с 15 января 1793 года (день казни Людовика XVI) до 28 июля 1794 года (день казни Робеспьера). Поэтому в советских учебниках эта революция датировалась 1793/1794 годами. Когда как Франция (и весь мир) считают датой начала Великой Французской революции 14 июля 1789 года и «наполеоновский» период (1796-1814 гг.) – её неотъемлемой частью, потому что именно в это время были осуществлены «революционные» преобразования во Франции, по сути заложившие фундамент нового («буржуазного») государства.

26 декабря 1799 г. Наполеон написал английскому королю Георгу III с предложением мира, но тот потребовал восстановления во Франции династии Бурбонов. Австрия также отвергла мирные предложения Бонапарта. Тогда первый консул приказал собрать новую «итальянскую» армию, которую вновь возглавил сам. 14 июня 1800 г. состоялась знаменитая битва вблизи итальянской деревушки Маренго, в которой австрийская армия была разбита, и Наполеон вернулся в Париж с победой. Торжественным празднованием была отмечена очередная годовщина «взятия Бастилии».

Теперь первый консул мог заняться «внутренними делами» и законодательной деятельностью.

Прежде всего, он жестокими мерами покончил с бандитизмом, захлестнувшим страну. Специальные отряды казнили захваченных разбойников на месте вместе с теми, кто давал им пристанище и скупал награбленное. Тогда Наполеон сказал: «...Когда о каком-нибудь короле говорят, что он добр, значит, царствование не удалось» [3, с. 83].

Ему пришлось считаться с врагами «слева» – якобинцами, и «справа» – роялистами. К роялистам он относился терпимо и выражал готовность к переговорам, хотя Людовика XVI презирал за его слабость. По его приказу десятки тысяч эмигрантов получила право вернуться во Францию и многие этим правом воспользовались. Якобинцев он ненавидел и преследовал их по любому поводу. Но он уважал братьев Робеспьеров и признавал, что якобинский Конвент в 1793-1794 гг. спас французскую революцию. После первого на него покушения 24 декабря 1800 г, когда в его карету была брошена

бомба, Наполеон приказал 130 «вождей» якобинцев отправить в ссылку во французскую Гвиану и на Сейшельские острова. Однако вскоре было доказано, что покушение подготовили роялисты.

Наполеон занялся учреждением Государственного совета и государственными реформами.

Через министра финансов Годэна он сделал приоритетными не прямые, а косвенные налоги, которые были заложены в цене товаров и одинаковы для всех покупателей, собираясь «автоматически» без «сборщиков». Эти и другие финансовые меры встретили одобрение, как в деревне, так и в городе. Но вместе с тем спекулянты и казнокрады почувствовали тяжелую руку новой власти.

Административная реформа ликвидировала «самоуправление» департаментов, которые теперь возглавляли назначенные префекты, назначавшие в свою очередь муниципальные советы, мэров городов и деревенских коммун. Первый консул назначил Сенат из 80 членов и всех гражданских и военных должностных лиц, включая министров. Было реформировано министерство юстиции и судебная система, упразднен суд присяжных. Наполеон требовал, чтобы во всех гражданских и уголовных процессах отсутствовали «соображения политического характера». Вновь назначенным судьям он сказал: *«Никогда не рассматривайте, к какой партии принадлежал человек, который ищет у вас правосудия»* [3, с. 87]. При нем массовые политические репрессии прекратились. Однако он большое значение предавал министерству полиции, не жалея для него денежных средств, и особенно его столичной префектуре.

Советский историк Евгений Тарле отмечал: «Аппарат централизованной государственной власти, как нельзя более приспособленный к неограниченной монархии, был создан при Наполеоне именно в годы Консульства. И от этого аппарата не хотело не только отказаться, но не решалось даже его видоизменить ни одно из правительств, сменявшихся во Франции от Наполеона до настоящего времени, за исключением Парижской Коммуны» [3, с. 9].

В августе 1800 г. по распоряжению Наполеона была создана комиссия по выработке проекта гражданского свода законов, который бы юридически закрепил завоевания французской революции. Впоследствии свод получил название «Кодекса Наполеона», и до сих пор не отменен во Франции. Он считал, что французская революция произошла не во имя «свободы», а во имя *равенства*, т.е. обеспечения законом социальных и экономических прав всех граждан страны. Специальный торговый кодекс юридически регулировал торговые операции. А с созданием уголовного кодекса окончательно была построена юридическая база нового общества, которая, безусловно, явилась прорывом в политической истории Европы, и которой впоследствии воспользовались другие страны.

По всей Франции строились новые дороги и каналы, возрождалось искусство, поощрялась наука, от которой Наполеон требовал практических результатов, способствовавших славе страны. Но философию, которую он называл «идеологией», считал шарлатанством (впрочем, как и политэкономии). Было положено начало организации народного образования, открыто множество школ и лицеев, в том числе и военных. Появились новые возможности для торговли и промышленности. По распоряжению первого консула была учреждена ежегодная промышленная выставка и поощрительные «премии».

В июле 1801 г. было подписано соглашение (конкордат) между папой Пием VII и Наполеоном, а в апреле 1802 г. был принят соответствующий закон о новом устройстве католической церкви во Франции. Как считал Тарле: «С точки зрения Наполеона католическая церковная организация была силой, которой нельзя было пренебрегать не только потому, что она могла принести много вреда, оставаясь в лагере врагов, но еще больше потому, что могла принести большую пользу, перейдя в лагерь друзей» [3, с. 114].

В это время Бонапарт проявил себя и как блестящий дипломат. Одним из его значительных дипломатических успехов явилось изменение политики России. По его приказу русскому императору Павлу I были возвращены шесть тысяч русских пленных (после разгрома корпуса Корсакова осенью 1799 г. в Швейцарии) в новом обмундировании и с личным оружием. Это был беспрецедентный случай в военной истории. Тем самым Наполеон дал понять, что заинтересован в дружеских отношениях. Он намерен был заключить военный союз с Россией с целью совместного вторжения в английскую Индию. Естественно, что этот возможный союз двух мощных держав напугал Англию и 11 марта 1801 года Павел I был убит. Когда Наполеон узнал об этом, он в ярости воскликнул: *«Англичане промахнулись по мне в Париже 3 нивоза, но они не промахнулись по мне в Петербурге!»* [3, с. 106].

Англию беспокоило, прежде всего, растущее экономическое могущество Франции.

Однако, после отставки Питта, 26 марта 1802 г. Наполеону удалось заключить Амьенский договор с Англией (до этого был заключен Люневильский мир с Австрией).

После этого в течение двух лет положение Франции стабилизировалось.

Поэтому 2 августа 1802 г. французы единодушно проголосовали за пожизненное консульство Наполеона Бонапарта.

Главным козырем внутренней политики Наполеона было утверждение и защита абсолютного права собственности для всех. При этом правительство должно было всеми средствами оградить французский рынок от иностранной конкуренции и превратить европейские территории в рынок французского промышленного и торгового капитала.

Поэтому Амьенский мир не мог оказаться долгим, так как французская революция разрушала европейскую монархическую систему.

Евгений Тарле писал: «Наполеону всю жизнь приходилось бороться с коалициями экономически отсталых полуфеодальных монархий, возглавляемых, однако, в этой борьбе экономически передовой, первенствующей в тогдашнем капиталистическом мире державой» [3, с. 121].

В это время был раскрыт второй заговор с целью убийства Наполеона, подготовленный англичанами. Тогда Наполеон совершил серьезную ошибку, дав согласие на похищение и казнь герцога Энгиенского, чье участие в заговоре так и не было доказано. Это «преступление против королевской крови» окончательно объединило против него всех европейских монархов.

В этих обстоятельствах Наполеон пришел к убеждению: *"Одна только наследственная власть может отвлечь контрреволюцию"*.

18 апреля 1804 г. сенат принял постановление, призывавшее Наполеона на императорский трон с правом престолонаследия. Проведенный народный плебисцит подтвердил это решение

Как отмечал Гораций Вернье, французский народ не увидел в этом «ничего предосудительного республиканскому равенству», напротив, народ считал, что «такие знаки отличия людям достойным, без различия роду и племени, ручаются за равенство состояний» [2].

2 декабря в парижском соборе Нотр Дам де Пари прошла коронация Наполеона с участием римского папы Пия VII. Открывая заседание обновленного Законодательного собрания, Наполеон сказал: *"Бессилие верховной власти есть величайшее народное бедствие"*. Наполеон хотел принять титул императора, так как считал себя наследником императора Карла Великого, объединившего Европу («Священная римская империя») под своей эгидой.

Коронация Наполеона всколыхнула все европейские монархические кланы.

Глава английского правительства Вильям Питт энергично приступил к созданию уже третьей коалиции против Наполеона. В то же время в Булонском лесу (Нормандия) расположилась превосходно экипированная французская армия, ожидавшая кораблей и тумана на Ла-Манше для высадки на Британские острова. Англия рассчитывала на этот раз вновь вовлечь в антифранцузскую коалицию Россию, которая вместе с Австрией отвлекла бы эту армию на себя.

Русский император Александр I вынужден был считаться с тем, что экономические и политические интересы тех людей, которые привели его к власти, связаны с Англией. Кроме того, у него появился свой личный мотив. После казни герцога Энгиенского он выразил Наполеону формальный протест, в резком ответе на который содержался недвусмысленный намек на его соучастие в убийстве своего отца. После этого Александр стал публично обвинять Наполеона в «деспотизме» и в «гибели» Французской республики (!). Поэтому он выразил согласие участвовать в походе против Франции и Вильям Питт с удовольствием согласился финансировать Россию. Осенью 1805 г. русская армия двинулась в Польшу на соединение с австрийскими войсками.

Узнав об этом, Наполеон поднял Булонский лагерь и меньше чем за три недели огромная армия, названная «Великой», была переброшена от берегов Ла-Манша к берегам Дуная.

Это была новая европейская армия, образованная, хорошо обученная, вооруженная современным оружием и возглавляемая опытными «генералами революции». Французские солдаты были убеждены, что они – защитники родины от интервентов и революции от Бурбонов. Наполеон без колебаний давал генеральский чин людям, не достигшим 40-летнего возраста (тогда ему самому было тридцать пять лет!). В результате вокруг него собралась плеяда одаренных офицеров. «Стратегический талант Наполеона делал маршалов точнейшими исполнителями его воли и в то же время не убивал в них самостоятельности на поле сражения», – отмечал Тарле [3, с. 146].

Эта армия позволила Наполеону, после ряда успешных для него сражений 1805/07 годов, неоднократно разгромить австрийские, русские и прусские войска, принуждая европейских монархов к миру. Так, 25 июня 1807 года между Францией и Россией был заключен Тильзитский мир.

Между тем французский император взялся за проведение своей экономической политики, без понимания которой, как заметил Тарле, «не может быть ни вполне ясного представления, на чем держалась его империя, ни отчетливого ответа на вопрос, почему она пала» [3, с. 220]. Экономическая политика Наполеона соответствовала его общей политике. Завоеванные им европейские территории, получившие статус «новых департаментов» Франции, фактически содержали «старые департаменты» страны. Наполеон придерживался доктрины: есть национальные экономические интересы и есть интересы всех остальных, которые должны быть подчинены национальным, определявшимся границами «старой» Франции.

Когда в 1811 г. во Франции разразился торгово-промышленный кризис, Наполеон из него извлек урок: пока континентальная блокада не сломит Англию, пока не прекратится бесконечная война, положение французской торговли и промышленности будет оставаться неустойчивым. Между тем ему вскоре стало ясно, что Александр не собирался следовать требованием Тильзитского договора о

присоединении к континентальной блокаде. Это и предопределило вторжение наполеоновской армии в Россию, поддержанное всеми ее бывшими европейскими «союзниками».

Как известно, Наполеон потерял свою «Великую армию» в России. Позднее в своих воспоминаниях он записал: *«Я ошибся, но не в цели и не в политической уместности этой войны, а в способе ее ведения»* [2].

Вернувшись в Париж и получив от Законодательного собрания новую армию, Наполеон вновь одержал ряд блестящих военных побед над войсками новых «союзников». Гораций Вернье считал, что «в кампании 1813 года Наполеон является великим полководцем более, нежели во все прежние минуты своей блистательной жизни». Однако 16-18 октября 1813 г. в «битве народов» под Лейпцигом в результате предательства саксонских войск армия Наполеона потерпела поражения и вынуждена отступить к границам Франции. И тем не менее, в течение нескольких последующих месяцев он продолжал успешные военные действия. Но 31 (19) марта 1814 года, вследствие предательства Талейрана, практически не защищенный Париж был взят союзными войсками. 6 апреля 1814 г. французский император подписал трактат об отречении и был отправлен в ссылку на средиземноморский остров Эльба.

Так завершился третий и последний акт Великой Французской революции, которая и не могла завершиться иначе в геополитической ситуации того времени. Говоря о роли Наполеона в Великой французской революции, Евгений Тарле, отметил: «Военная теория и практика Наполеона сыграли огромную роль в разрушении феодализма и абсолютизма крепостнической Европы. Эта теория и практика были порождены буржуазной революцией, создавшей те возможности, которыми Наполеон умело воспользовался» [3, с. 386].

Затем последовал эпилог этой Великой трагедии, подтвердивший, что французская революция исчерпала свой потенциал.

По поводу вернувшихся во Францию Бурбонов Талейран, содействовавший их реставрации, сказал: *«Они ничего не забыли и ничему не научились»*. Ту же мысль выразил и Александр I: *«Бурбоны и не исправлись, и неисправимы»* [3, с. 339].

Возвратившиеся из эмиграции «аристократы» и духовенство вели себя очень нагло. Торговая буржуазия, сначала обрадовавшаяся прекращению войн, вскоре, (после отмены континентальной блокады Англии), поняла, что оказалась в катастрофическом положении. Лишь только «свободная интеллигенция» – журналисты, адвокаты, врачи и пр. – с восторгом приняла реставрацию Бурбонов, которые, однако, были бессильны восстановить старый монархический строй, уничтожить гражданские законы, данные революцией и Наполеоном.

1 марта 1815 г. Наполеон покинул остров Эльбу, беспрепятственно прошествовал через всю Францию и триумфально был встречен в Париже, из которого бежал Людовик XVIII. Затем были известные «100 дней» Наполеона и битва при Ватерлоо (18 июня 1915 г.). Это его военное поражение было предопределено не только потому, что он не уже располагал той революционной «Великой армией», которая прославила его полководческий талант, но, прежде всего, потому, что он проиграл *политически*, объединив против себя всю монархическую Европу.

В ссылке на атлантическом острове Св. Елены Наполеон вел записи:

"Французская революция произошла не от столкновения двух династий, споривших о престоле; она была общим движением массы... Она уничтожила все остатки времен феодализма и создала новую Францию, в которой повсюду было одинаковое судебное устройство, одинаковый административный порядок, одинаковые гражданские законы, одинаковые законы уголовные, одинаковая система налогов... В новой Франции двадцать пять миллионов людей составляли один класс, управляемый одним законом, одним учреждением, одним порядком..."

О своей роли он писал так: "Я убил чудовище анархии, прояснил хаос. Я обуздал революцию, облагородил нацию и утвердил силу верховной власти" [2].

Наполеон умер после продолжительной болезни 5 мая 1821 года.

Современник наполеоновской эпохи Стендаль в своей книге «Жизнь Наполеона» записал: "Наполеон – это тиран XIX века; назвать человека тираном – значит признать его высокоодаренным... Это человек, наделенный необычайными способностями и опаснейшим честолюбием, самый изумительный по своей даровитости человек, живший со времен Юлия Цезаря, которого он, думается нам, превзошел» [4].

В своем завещании Наполеон назначил место постоянной своей могилы. *"Я желаю, чтобы прах мой покоился на берегах Сены, среди французского народа, который я так сильно любил"* [3, с. 381-382]. Это завещание французский народ выполнил. Сегодня его прах покоится в мраморном саркофаге в Соборе инвалидов в центре Парижа.

Таким образом, из опыта Великой французской революции можно извлечь некоторые «методологические» выводы, (с которыми, вероятно, многие политологи не согласятся).

Во-первых, революции (в их «классическом» варианте) никогда не начинаются с «взятия Бастилии», этому кульминационному акту всегда предшествуют глубокие *латентные* и потому необратимые тенденции распада старой модели государства, реализацией которых революция и является. Поэтому, во-вторых, революция – это не единовременный акт «захвата власти», а длительный, стихийный и бескомпромиссный процесс разрушения всей системы общественных отношений (экономических, правовых, нравственных и пр.), завершающийся социальным коллапсом (террором или гражданской войной). Вследствие этого, и это – в-третьих, любая революция приводит, так или иначе, к диктатуре, которая единственная способна «обуздать» ее, вогнав силой в «легитимное русло». Но именно это и есть конец революции, так как Революция и Закон – не совместимы «по определению». В этом смысле феномен «диктатуры» парадоксален: с одной стороны, диктатура – неизбежное порождение революции, с другой – она фактически означает «контрреволюцию». Но ведь история – вещь парадоксальная, *иррациональная*.

Рационалистическая концепция революции, прочно утвердившаяся в отечественной политологии, методологически *идеалистична*, так как в революции нет ничего *рационального*. Рациональное (идея) вносится «постфактум» для того, чтобы придать революции «исторический смысл и значение». На самом деле, революция – это иррациональный хаос и бессмысленная анархия. Она не детерминирована конкретными причинами (точнее – эти причины лежат совсем в другой плоскости) и никогда не имеет конкретных целей. Они появляются значительно позже и чаще в силу определенных обстоятельств, которые и определяют характер развития революции. И далеко не всегда эти последующие «цели» совпадают с первоначальными «намерениями». Ни одна революция не осуществлялась по определенной «программе» и ни одна революция не завершалась согласно своей «идеи». Революция – столь же *естественный* (объективный) процесс, как и история.

Библиографический список использованной литературы

1. Карлейль Т. История Французской революции / Т. Карлейль. — М.: Мысль, 1991. — 575 с.
2. Тарле Е. Наполеон / Е. Тарле. — М.: АСТ Астрель; К.: ТОВ ЦНМЛ, 2011. — 413 с.
3. Вернье Г. История Наполеона [Электронный ресурс] / Г. Вернье. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/verne/index.php
4. Стендаль. Жизнь Наполеона [Электронный ресурс] / Стендаль. — Режим доступа: <http://www.museum.ru/1812/Library/stendhal/napoleon.html>

Поступила в редакцию 24.09.2013 г.

Колесов М.С. Філософія влади. Революція і диктатура (до 225-річчя Великої Французької революції)

На прикладі Великої Французької революції розглядаються зумовлюючі чинники і характер переходу революції до диктатури.

Ключові слова: держава, революція, диктатура.

Kolesov M. Philosophy of authorities. Revolution and dictatorship (the 225-year anniversary of the Great French Revolution)

An example of the Great French Revolution is considered to discover the key factors and nature of the transfer from revolution to dictatorship.

Keywords: state, revolution, dictatorship.